

Бланк конкурсной работы Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности» 2023/24 г.

1 страница

Субъект Российской Федерации / Государство, на территории которого располагается школа МИД / Республика Беларусь / Страна СНГ
Красноярский край
Город (населенный пункт)
Лесосибирск
Полное название образовательной организации
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение "Средняя общеобразовательная школа № 2" города Лесосибирска
Участник Конкурса
Фамилия
Полуднирова
Имя
Барвара
Отчество
Евсеньевна

Класс (курс) обучения участника Конкурса

11

Тематическое направление

произведения литературы, музыкального, изобразительного, драматического и кинематографического искусства, отражающие трагедию и подвиг мирного населения в годы Великой Отечественной войны.

Жанр сочинения

рассказ

Тема сочинения

„Симфония с колоколом“

Сочинение

Среди ночи Анюшка проснулась от тревожного ^Збормотанья:

- Чёрные птицы в небе... Чёрные птицы...

Спросила, ничего не уразумев, она проснулась в комнату прабабушки. Та металась по кровати, тяжело вздыхала, причитая и громко вскрикивая:

- Мамочка, вставай... Вставай, мамочка...

Анюшка позвала:

- Бабулетка! Бабулетка! Проснись!

Она принялась тормошить прабабушку. Та всё поворочалась и

Внезапно распахнув мокрое от слёз глаза, посмотрела на внучку.

- Бабушка, тебе плохо? Что случилось?

Старушка, тяжело вздохнув, села на кровати:

- Прости, натужала тебя. Он нехороший...

Аннушка опустилась на колени возле кровати, взяла бабушкину руку и, нежно поглаживая, спросила:

- Это из-за концерта, да?.. Но ты так хотела пойти! Я думала, ты будешь радоваться... Знаешь, всё зря?

Аннушка шадла маленькую сморщенную руку прабабушки Веры, и сердце её одолевало жалость. Она, конечно, знала, что прабабушка пережила Великую Отечественную, но ведь столько лет прошло - всё забылось или нет? Что же ей такое приснилось? Спросить или не тревожить память?

Анютке было шестнадцать лет. Она любила свои длинные тёмные волосы, длинные карие глаза. А во всём остальном - обычная девочка. Отца Анюта не помнила, маму часто отправляли в командировки. И забота о прабабушке легла на плечи Анютке. Но это её вовсе не тяготило. Прабабушка Вера хоть и была старенькой, но по дому считалась: готовила Анютке завтраки перед школой, кормила вкусным обедом, не попрекала и кравотений не читала. А про старке годы вспоминала вообще редко, да и Анюта не интересовалась. У неё была своя насыщенная жизнь: учёба, баллады, девичьи посиделки. Но сегодня, глядя на бабу Веру,

Анюшка вдруг почувствовала её одиночество и слабость. И слёзы текли сами собой, и что-то болело и ныло внутри...

Прабабушка вздохнула:

- Ну что ты, Анюшка, я радуюсь. Просто эту симфонию я впервые увидела там, в Москве, когда мне было семь лет. После расскажу... Ложись спать. Ночь на дворе. Да и я постараюсь больше не шуметь.

Анюшка ушла, но ещё долго прислушивалась к звукам, доносившимся из бабушкиной комнаты. Прабабушка Вера тяжело вздохнула, ворочалась и наконец утихла.

А Анюшка ещё долго не могла уснуть, ругая себя. Аня вспомнила, как обрадовалась бабушка, узнав, что в их городок приезжает областной симфонический оркестр (...Анюшка, это же Хачатурян! Вторая симфония!), как с трудом она доставала билеты на этот концерт и как была искренне удивлена, что эти самые билеты раскупим за считанные часы (сама-то она не большой любитель всяких там увертюр, арий, сонат...).

В тот вечер бабушка достала из шкафа тёмно-фиолетовое старое, но совсем не кошачье платье. Украсила его скромной эмалевой брошью, которую бережно хранила в "московской" (так сама бабушка говорила) шкатулке. Она была в предвкушении концерта, немного нервничала и изрядно спятилась. Анюшка не понимала почему.

Девчушка хотела снова надеть свои модные широкие штаны с ру-

Бабушка, но бабушка не позволяла, сказав, что на Анне непременно будет хорошо смотреться тёмное платье. Пришлось смириться. И как же права оказалась бабушка, когда, выйдя в фойе театра, Анна увидела вечерние платья дам и строгие костюмы мужчин. „Хороша бы я была в своей ковбойской рубашке!“ — усмехнулась про себя Анна.

В зале ни одного свободного места. Всё пригнато. Повис тихий гул голосов и шарканья. Аннушка не ждала от этого концерта ничего особенного и исключительного: подумаешь, какая-то симфония №2... Но сейчас с любопытством разглядывала публику, прислушивалась к звукам настроенных инструментов, следила, как заполняется сцена музыкантами.

Дирижёр поднял палочку и... зал замер. Аннушка сразу же почувствовала, как напряглась в соседнем кресле бабушкина сестра, как подалась она вперёд, будто пыталась что-то разглядеть... Что она там увидела? — раздражалась, подумала Анна. — Я что, почти час буду смотреть на сцену дирижёра и слушать это?”

И вдруг музыка... Обрушилась на неё. Она злилась, как набат, заставляя сконцентрироваться. Она кричала о какой-то неотвратимой, внезапно навалившейся беде. И это горе разлилось рекой и вошло в каждый дам. Аннушка вдруг почувствовала растерянность людей, их беспомощность и страх... И эти шепотки?! Они то визжат, как безумевшие женщины, то рыдают, то жалобно шепчут. И сердце... Аннушка вдруг услы-

шала, как бухает её сердце... Как колокол", - успела про себя подумать девушка и оглянулась вокруг. Зал, казалось, не дышал; ноги, отшельничьи мощью звонящая, вжались в кресла и окаменели; воздух в зале накалился почти зримо.

А музыка вдруг ускорилась, набрала темп, слышалось даже что-то победное и ликующее. Аня уловила армянские перебивающие мотивы. На миг повеяло оптимизмом и надеждой. Но почему-то успокоение это не пришло, напряжение не спало. Что-то зловещее чувствовалось в этом ритме. Аня вспомнила, как учительница музыки ещё в 7 классе рассказывала о музыкальных инструментах, показывая картинки: „А вот это бас-кларнет. У него мрачный тембр. Бас-кларнет - это всегда трагедия". Аня потому и запомнила, что тогда в её жизни случилась „трагедия" - влюбилась в одноклассника. А сейчас она всей кожей почувствовала, как надвигается катастрофа, отбрасывая у людей последние воспоминания о самом дорогом.

Вдруг в дело вступили барабаны, тарелки - началась кульминация. Что-то похожее на похоронный марш звучало сурово и жутко. Каждый звук - это скорбь, шев, разрушение. И опять Аня уловила мрачный и суровый звук колокола, и этот звук, звонящий к борьбе и возмездию, родине в ней ненависть к войне. „Так вот она какая, война!" - поразила Аня и положила свою руку на ладошку - сколько боли и отчаяния! И всё жаль... Бесконечно жаль!"

А ритм траурного шествия не прекращался, напротив, он объединил всех присутствующих в зале и тех, кто остался там, в окопах, на передовой... Разве

может человек так писать? Это же настоящие стихи! Здесь всё: и чувства, и настроения, которыми жил наш народ в Великую Отечественную! Здесь судьбы разных людей, и моей прабабушки тоже. Это невысказанно! "Задохаясь от слёз, Аня вдруг почувствовала, что время остановилось и нет ничего вокруг, только музыка..."

Ритм закружал, растворялся, но только для того, чтобы набрать силу. "Медный хор" возвращал слушателям надежду, и казалось, что всё самое страшное и трагичное подходит к концу, и все ждут невероятного и бесспорного триумфа. И опять звучит колокол. Только сейчас он звучит жизнеутверждающе и даже радостно.

Последний аккорд. Музыканты замерли. Дирижёр повернулся к публике с поклоном. И только тогда зал взорвался аплодисментами. Люди аплодировали, не сдерживая слёз. А бабушка так и сидела с выпрямленной спиной и сухими глазами.

Всю дорогу домой она молчала, а Аняшке так хотелось с ней поделиться своими чувствами. Ведь впервые классическое произведение тронуло её до глубины души.

А потом была эта бессонная ночь... Аня не заметила, как провалилась в сон.

Утром она проснулась от дразнящего аромата, доносившегося из кухни. Младшие сестрички. Ура!

На кухне у плиты хлопотала прабабушка Вера. Рядом со сковородкой стояла тарелка, которая была уже наполовину наполнена ароматной стряпней.

- Доброе утро, ба! Как ты себя чувствуешь?

- Доброе, моя хорошая. Уже лучше, вот решила порадовать тебя твоими любимыми сладкими. Доставай из холодильника варенье и садись к столу.

Через пять минут бабушка сняла фартук, ушла в комнату и вскоре вернулась с „московской“ икоткой в руках. Аннушка от удивления даже младшеньки отставила: ну жесть расскажет?

- Ба, можно посмотреть, что там? - Аня присела рядом с бабушкой.

Молчание. Слышно, как тикают настенные часы, как за окном грохочет трамвай. Аня вздохнула: ну не хотел бабушка с ней делиться воспоминаниями...

И тут прабабушка Вера заговорила:

- Мне было пять лет, когда началась война. Мы тогда жили в Москве, собирались в авиате поехать на море. А тут война... Отец сразу ушёл на фронт. Я хоть и маленькая была, но помню, как он широко улыбался, крепко прижимал меня к нежной щеке. Папка протянул мне игрушечный самолётик и весело сказал: „Будем небо охранять, дочка. Кого не бойся“ И ушёл. Навсегда.

Бабушка открыла шкапу:

- Вот, сохранила. Всё, что осталось от отца. Я, когда первый раз увидела над Москвой самолёты, думала, что папка мой летит... А они на-
звали бомбить... Мы с ребятами их потом прозвали "чёрные птицы". Бе-
жали в подвал и кричали всем: "Чёрные птицы! Чёрные птицы!"

Бабушка надолго замолчала. Анютка бережно взяла в руки не-
голький, местами поцарапанный, с отбитым краем самолётки. Это
уже была не просто игрушка - это была заставка её семьи.

- До метро или подвала добегать успеваем не все, - вздохнула бабушка. -
Никогда не забуду, как однажды, выйдя из бомбоубежища, увидела девочку,
примерно такого же возраста, как и я. Она сидела рядом с телом матери
и жалобно причитала: "Мама! Вставай, мама, очнись!"

Той ночью я впервые стала шептать молитву: "Боженька, сделай так,
чтобы мамочка осталась жива". Это стало моей ежедневной песней на
дальше годы.

Маму я видела редко. Тогда все, кто остался в Москве, ушли на
оборонные предприятия. А с нами сидела старенькая тетя Дуся: соде-
рёт всех соседских ребятшек в своей квартире и читает книжки. А в
43-ем я пошла в школу. Тогда в Москве стало спокойнее: немцев отог-
нали, бомбёжки прекратились. Голодно, конечно было, но жизнь шла
своим чередом. Работали школы, устраивались соревнования, строились

метра. Мама вернулась на свою обычную работу - в школу, где преподавала музыку.

И вот в декабре 1943 года, под самый Новый год, мама прибежала домой с поразительной вестью: мы идем на концерт в Московскую консерваторию. Я утешалась, хихикая: холодно, ветрено, хочется поиграть с подружками. Но мама надевает своё лучшее платье, достаёт из шкапчика единственное украшение, оставшееся из какой-то прошлой жизни, - эмальевую брошь. Да-да, ту самую...

По дороге мама наклоняется ко мне, крепко прижимает и шепчет: «Верочка, этот день ты никогда не забудешь. Верь мне».

Вот тогда я впервые услышала её - Вторую симфонию Арама Хачатуряна. Представь, мне 7 лет, я сижу в этом Большом, просто оградком зале консерватории, и дирижёр одним взмахом палочки превращает какофонию звуков в музыку, заставляющую даже биться сердце. Я тогда юленька и напуганная. Мне казалось, что случится что-то страшное именно со мной. От страха я закрыла глаза, но в памяти тогда всплывала картинка: девочка рядом с убитой мамой. Я вновь слышала её всхлипывания, только в этот раз они сливались с музыкой.

А потом зал встал: потихоньку, один за другим поднимались люди со своих мест, и целая стена выросла передо мной. Глухая, малочисленная, несокрушимая... А я сижу, сжавшись в калачик, и беззвучно плачу. Разве такое можно забыть, Аннушка?

Бабушка опять открыла шкатулку и достала влюблённо сложенный, пожелтевший листок бумаги.

- Представляешь, даже программка с того концерта сохранилась. И можно разобрать имя дирижёра - Борис Хайкин. Тогда он stworил чудо: люди поверили, что их дух не сломить, что они всё выдержат.

Бабушка закрыла шкатулку и, вздохнув, закончила:

- Той ночью мне снилась музыка. Я эту симфонию ощущала всем телом, всем сердцем, она даже восте пробирала до костей. От неё не убежишь, она закрадывается глубоко в душу, становится частью тебя. И вчера, когда спустя столько лет, я вновь услышала эту симфонию вживую, я поняла, что от меня оторван кусочек моей прошлой жизни. Я на самом деле безумно счастлива, что мне довелось снова услышать эти первые звуки колокола...

Теперь эта шкатулка твоя. Здесь, Анюша, моё прошлое, которое нельзя предавать, и твоё будущее. Береги... - бабушка Вера внезапно замолкла, потом, как бы спохватившись, буднично сказала: - Ешь оладьи, стынут же.

Через три месяца прабабушки Веры не стало. Проводив гостей и убрав посуду, Анюшка закрылась в своей комнате, включила «симфонию с колоколом». И заплакала.